

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА НЕЛЮБОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6538-8267; nat.nelubova@mail.ru

ТИПЫ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

А н н о т а ц и я . Предложена авторская типология лингвоаксиологических маркеров, выявленных в материале паремий французского, русского и тувинского языков. Актуальность заявленной проблематики обусловлена важностью определения особенностей языковой репрезентации аксиологической маркированности в паремиологических фондах разноструктурных языков представителей различных типов культур и учета полученных данных в переводческой деятельности и коммуникации, а также необходимостью уточнения терминологического аппарата аксиопаремиологии. Цель статьи – представить типологию паремических лингвоаксиологических маркеров и выявить универсальные и специфические компоненты в их функционировании в разноструктурных языках. Материалом послужила собранная автором картотека французских, русских и тувинских паремий, полученная путем выборки из аутентичных паремиографических источников. В ходе анализа применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного, семного и контекстуального анализа, количественный метод обработки материала. Совокупность лингвоаксиологических маркеров включает единицы разных языковых уровней и имеет ядерно-периферийную структуру. Степень концентрации и разнообразие сочетаемости разных видов маркеров в паремиях является индикатором важности ценностей в языковом сознании различных этносов. Авторская методика, апробированная на материале выбранных трех языков представителей различных типов культур, может быть применима и на другом материале в процессе выявления ценностных доминант и средств их языковой репрезентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвоаксиология, паремиология, лингвоаксиологический маркер, разноструктурные языки, французские паремии, русские паремии, тувинские паремии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нелюбова Н. Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208

ВВЕДЕНИЕ

Лингвоаксиологический потенциал паремий является одним из признаков этих языковых единиц в силу их назидательности, способности передавать из поколения в поколение человеческий опыт в непосредственной связи с системой ценностей. Проблематика семантического анализа аксиологического потенциала паремий связана с выявлением языковых способов выражения аксиологического смысла, которые проявляются на различных уровнях языка: все семантические исследования на уровне изучения лексики, предложения, текста и дискурса являются релевантными в процессе изучения семантики паремий [15: 75], что соотносится также с моделью «Смысл – Текст»,

предложенной И. А. Мельчуком и состоящей из шести модулей. Эти модули,

«если оставить в стороне подразделение на глубинные и поверхностные подуровни, соответствуют четырем главным разделам лингвистики – это семантика, синтаксис, морфология и фонология. Каждый модуль получает имя по тому представлению, которое является для него входным при синтезе, т. е. по более глубинному представлению» [9: 34].

Специфика данного исследования заключается в рассмотрении паремий как текстов (вслед за А. А. Потебней), наделенных аксиологическим смыслом. Языковые репрезентанты паремического аксиологического смысла на разных языковых уровнях объединены нами в группы в соответствии с пониманием термина *пареми-*

ческие лингвоаксиологические маркеры, определяемого нами как совокупность разноуровневых лингвистических средств выражения оценки применительно к исследованию отражения ценностей в языке. Наиболее актуальным аспектом указанной проблемы нам представляется выявление особенностей языковых средств выражения аксиологической маркированности и их сочетаемости в паремиологическом фонде разноструктурных языков с целью их учета в коммуникации и переводческой деятельности. Выбор языков обусловлен принадлежностью их носителей к разному типу культур, отражающих западную (французскую) и восточную (тувинскую) традиции, а также евразийскую (русскую), соединяющую ценностные ориентации Азии и Европы. Актуальность выбранного направления обусловлена также необходимостью уточнения терминологического аппарата лингвоаксиологии, в том числе в рамках аксиопаремиологии (термин О. В. Ломакиной).

Цель данной статьи – представить типологию паремических лингвоаксиологических маркеров и выявить универсальный и специфический компоненты в их функционировании в разноструктурных языках. Материалом послужила авторская картотека паремий французского (2007 единиц), русского (10407 единиц) и тувинского (327 единиц) языков, полученная путем выборки из аутентичных словарей французских¹, русских² и тувинских³ пословиц и поговорок. Количественная разница состава картотеки в трех языках объясняется различной степенью изученности, фиксации и лексикографической обработки паремиологического материала и существенно не влияет на полученные результаты в связи с поставленной целью. В современных лингвистических исследованиях паремий реализуются различные подходы, которые сформулированы и успешно апробированы современными учеными [2: 268–270], [4: 234]. В данной работе в качестве методологической базы нами использован лингвокультурологический подход, основанный на изучении взаимодействия языка и культуры и позволяющий представить значение паремии с опорой на имеющуюся культурную информацию, в отдельных случаях – историко-этимологический подход, предусматривающий поиск универсального и национально-специфического в структуре паремий и их содержании. В процессе исследования применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного, семного и контекстуального анализа. В процессе изучения практического материала в ряде слу-

чаев мы обращались к количественному методу обработки материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ паремиологического материала разноструктурных французского, русского и тувинского языков показал, что паремические лингвоаксиологические маркеры образуют систему, входящую в состав аксиологического паремиопространства и имеющую ядерно-периферийную структуру, соотносящуюся с основными выявленными типами.

Лингвоаксиологические маркеры лексического уровня

В первую очередь к лингвоаксиологическим маркерам относятся лексические единицы, семантически связанные с определенными ценностями, которые, как правило, являются ключевыми компонентами паремий. Нами было выделено четыре типа единиц.

К **первым** отнесем лексемы (в том числе однокоренные), эксплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия, связанные с ними. Например, на соотношение с ценностью семьи указывают ключевые компоненты-номинации родственных связей, что является универсальной особенностью материала трех языков. Однако этноспецифический элемент, обусловленный типом культур, а именно антропоцентричностью французской культуры и социоцентричностью русской и тувинской, ориентированных в большей степени на традиционный уклад и коллективные семейные ценности, наблюдается в выборе номинаций. Так, во французских паремиях упоминаются в основном ближайшие родственники: *mère, maman* ‘мать, мама’; *enfant(s)* ‘ребенок, дети’; *fille* ‘девочка, дочь’; *fil(s)* ‘сын’; *frère* ‘брат’; *gendre* ‘зять’; *oncle* ‘дядя’. В русских отмечается многообразие терминов родства: *родня; родители; дети; муж; мать; сын; отец; бабушка; дочь; брат; сестра; дед; внук(и); зять; свекровь; теща; сноха; невестка; невеста; золовка, золовушка; сват, сватья* и др., связанное с традицией большой семьи, что раскрывается также в тувинском материале: *төрөл* ‘родня’; *ие, ава* ‘мать’; *ада* ‘отец’; *ада-ие* ‘родители’; *оол* ‘сын’; *кыс* ‘дочь’; *төл, чап, уруг* ‘дитя, ребенок’; *кадай* ‘жена’; *дуңма* ‘младший брат’; *угба* ‘старшая сестра’; *күдээ* ‘зять’; *чеңге* ‘невестка’; *даай* ‘дядя (брат матери)’; *чээн* ‘племянник, племянница’, где присутствует еще большая детализация в обозначении родственных связей.

Вторую группу составляют лексемы (в том числе однокоренные), имплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия,

связанные с ними, посредством метафорических образов, отражающих ценности / антиценности. К данной разновидности можно отнести разные типы метафор, с помощью которых выражается отношение к ценностям. В проverbsиальной метафоре важен не фактор сходства, а способность убеждать, аргументировать. При сравнении прямого и метафорического смысла пословицы важно, что она содержит общепризнанную истину. Следовательно, необходимо, чтобы метафорическое изречение так или иначе соответствовало этой истине. Интерпретация метафоры в пословице является процессом не столько семантическим, сколько прагматическим, в результате чего ее итоговая интерпретация становится конвенциональной, коллективной [14: 67–68].

Различные виды метафор и символов обладают существенным паремииообразующим потенциалом и могут быть как универсальными, так и этноспецифичными в различных языках. Часто встречается в паремиях разных культур зоометафора. Например, образ осла, который ассоциируется с упрямым невежеством и всегда оценивается отрицательно, выявляет через антиценность ценность ума и знаний; образ лошади связан с тем, кто выполняет тяжелую работу, а также встречается в контексте семейных отношений. Аксиологическим потенциалом обладают и образы насекомых. Например, образ пчелы может вызывать ассоциации с трудом и медом, имеющим не только пищевую ценность, но и в некоторых контекстах символизирующим мягкость характера человека [11].

Антропоморфная метафора актуализируется через наименования частей тела человека и его состояний (например, полный живот ассоциируется с сытостью и ценностью пищи; голова – с умом и его ценностью; руки – с трудом и пищей, так как иногда руками едят); гастрономическая метафора и символика – посредством соответствующих наименований (стол связан с ценностью пищи, символизирует гостеприимство и мирное разрешение конфликтов; хлеб символизирует богатство и достаток, помимо основной и самой важной пищи) и т. д. Важную аксиологическую информацию может нести символика чисел, которая обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. Например, числительное *два* может служить для усиления положительной и отрицательной оценки.

К **третьей группе** лингвоаксиологических маркеров лексического уровня относятся национальные лингвомаркеры, или этнолингвомаркеры (термин О. В. Ломакиной) – компоненты паремий,

«которые запечатлевают национальное своеобразие, “культурную память” и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [7: 7].

Примерами маркеров данного типа во французском материале являются *vigne* ‘виноградник’ и *vin* ‘вино’, поскольку вино во французской лингвокультуре

«представляет одновременно и ценность, и концепт <...>. В пословицах и поговорках, номинирующих лингвокультурный концепт “вино” во французском языке, находят отражение такие вечные ценности, как добро, милосердие, любовь и забота о ближнем» [6: 43],

а в данном случае виноградник, который выращивается с большим трудом, представляет ценность, а его молодые побеги символизируют крепкие семейные узы.

В русских паремиях это этноспецифические элементы-обозначения русских блюд и напитков, а также предметов, относящихся к русскому быту: *каша*; *щи*; *блины*; *оладьи*; *брага*; *квас*; *печь*; *изба*. С помощью данных наименований выражается ценность пищи и семьи, что наблюдается и в тувинском материале, где упоминаются различные части и внутренности животных, употребляемые в пищу: *кудурук* ‘курдюк’; *өкпе* ‘легкие’; *бүүрек* ‘почка’, поскольку основной пищей тувинского кочевого народа традиционно является мясная продукция, которая «остается “сердцем” тувинской кухни, как и во многих других азиатских культурах» [8: 4]. Кроме того, отметим компоненты *өг* ‘юрта’ [12]; *аал* ‘аал’ (традиционное тувинское поселение, состоящее из группы юрт и объединяющее несколько семей) и *аьт* ‘лошадь, конь’ (конь для тувинцев всегда был и «остается одной из важных жизненных ценностей» [13: 170]).

К **четвертой группе** мы относим все лексемы общеоценочной семантики, которые эксплицитно выражают положительную / отрицательную оценку независимо от контекста или меняют ее в определенных контекстах. Во французском языке это, например, лексемы внеконтекстуальной оценочной семантики *bon* ‘хороший’, в том числе в превосходной степени (*le*) *meilleur* ‘лучше(ий)’; *mauvais* ‘плохой’; *méchant* ‘злой’; *un festin* ‘праздник’, *le miel* ‘мед’ (подразумевающий сладость), *le fiel* ‘горечь’, *le besoin* ‘нужда’; *nuire* ‘вредить’. Контекстуальная оценочность выявлена, например, у прилагательного *rond* ‘круглый’ (о столе как символе мирного решения вопросов): *A ronde table n’y a débat pour être près du meilleur plat* ‘За круглым столом нет споров о том, чтобы быть ближе к лучшему блюду’. В русском языке это компоненты *добро*, *добрый*, *умный*,

сильный, злой, дурной, глупый, горе, беда и мн. др. Также многочисленны случаи употребления прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени: *дороже, лучше, хуже, меньше, шире*. Отрицательная коннотация компонента *больше* выявлена в паремии *Нелюбимое дитя больше ест*. В тувинском материале представлены элементы *хоралыг* 'вредный, опасный'; *балалыг* 'причиняющий вред'; *бак, багай* 'плохой'; *чараш* 'красивый, красиво'; *ажыг* 'горький'; *анчыг* 'надоедливый, неприятный'; *үрээр* 'портить'; *мактаар* 'хвалить'; *хүндү* 'почет, уважение'; *кочу* 'насмешка, презрение'. У элемента *чымчак* 'мягкий' отрицательная коннотация может проявляться в контексте – по отношению к войлоку, кошке.

Единицы первых трех групп мы можем рассматривать как *ядерные элементы системы аксиологических маркеров*, поскольку они непосредственно несут смысловую аксиологическую нагрузку, будучи семантически связанными с определенными ценностями, а четвертый тип включает *периферийные элементы*, выражающие положительную / отрицательную или нейтральную оценку аксиологических денотатов ключевых компонентов, обеспечивая тем самым связь между центральными, ядерными элементами системы. Отметим, что одни и те же маркеры могут относиться одновременно к нескольким типам из указанных четырех: содержать эксплицитное указание ценности, выступать как метафорический образ и одновременно быть этнолингвомаркером и содержать оценочную семантику. Лингвоаксиологические маркеры лексического уровня используются в паремиях в сочетании с грамматическими маркерами, специфика которых часто обусловлена типологическими особенностями языков.

Лингвоаксиологические маркеры грамматического уровня и роль фонетических средств в создании экспрессивности паремий

На грамматическом уровне в трех языках важная роль принадлежит использованию прилагательных и наречий в сравнительной степени, о которой мы упоминали выше. Кроме того, выделяются различные синтаксические структуры, способные передавать важность следования принятым в обществе моделям поведения, обусловленным ценностными установками. Побуждение к совершению действия или, наоборот, призыв не совершать те или иные действия могут передаваться эксплицитно и имплицитно. К эксплицитным средствам во французских паремиях относится безличная конструкция *il (ne) faut*

(pas) / (не) нужно, выражающая долженствование. Данную функцию выполняет повелительное наклонение – самый распространенный способ выражения общепринятого сценария поведения посредством прямого выражения назидательности. В материале трех языков оно употребляется с разной частотностью.

Важность категории наклонения в выражении аксиологической семантики обусловлена тем, что она относится к категориям отношения,

«опирается на сугубо человеческие факторы и, в конечном счете, всегда антропоцентрична, поскольку устанавливает отношения такого рода: существует ли действие в реальности или оно имеет ирреальную природу, и как оно оценивается, квалифицируется говорящим» [5: 12].

С помощью соотношения частных значений форм повелительного и изъявительного наклонения выражают различные значения и разную степень выраженности воли: «мягкое побуждение (допущение, пожелание), умеренное побуждение (совет, рекомендация, уговор) или жесткое побуждение (приказ, запрет, отказ)» [5: 16].

К имплицитному выражению ценностных установок можем отнести преподнесение фактов как общеизвестных или общепринятых, что выражается во французских паремиях неопределенно-личным местоимением *on*, оборотом *ne... que* 'только'; конструкциями с прилагательными *tel* 'такой, таков', *tout* 'всякий', *chaque* 'каждый' (или неопределенным местоимением *chacun*) / каждый, *nul* 'никакой, ни один'; местоимением *celui qui* 'тот, кто'; условными предложениями с союзом *si* 'если', которые показывают последствия определенных действий человека. Аналогичные конструкции встречаются и в русских паремиях.

С теми же целями в качестве подлежащего, то есть как субъект оценки, употребляются личные местоимения: 1-го лица *je* 'я', которое переносит ситуацию оценивания в плоскость «я-сферы» в функционально-семантическом поле оценки (см.: [10: 32]) и *nous* 'мы'. В подобных случаях анонимные авторы пословиц имплицитно призывают последовать их собственному примеру. Местоимения 2-го лица *tu* 'ты' и *vous* 'вы', обращаясь непосредственно к адресату, показывают результаты их возможных действий. В целом важно отметить, что «неопределенное лицо и безличность во французском языке выражаются местоимениями, в русском – только лицом глагола» [3: 169].

Данные, приведенные Л. Б. Кацубой, свидетельствуют о сведении к минимуму соотношений трех форм лица глагола внутри одного предложения в русских паремиях сложных кон-

струкций, что объясняется тенденцией пословичных текстов к сокращенности, сжатости, лаконичности формы. Минимальное количество паремий с соотношением форм 1-го и 2-го лица обусловлено стремлением пословицы к анонимности, обобщенности смысла, высокой концентрации информации [5: 14]. Самыми продуктивными являются формы с соотношением 3-го и 2-го (2-го и 3-го) лица.

«Паремии с соотношением форм 3 лица и форм 2 лица представляют собой органичный симбиоз опыта и философских сентенций и одновременной передачи этого опыта конкретному адресату, обращении к непосредственному слушателю в форме совета, рекомендации, пожелания, наказа и т. д.» [5: 12].

Информативным показателем аксиологической семантики паремий в трех языках является употребление глаголов в отрицательной форме, а также единиц, выражающих отрицание: например, французский предлог *sans* ‘без’, русский предлог *без*, тувинское выражение отрицания *чок* ‘нет’. Наличие любого вида отрицания позволяет выразить желаемые с точки зрения ценностных установок действия через антисценарии, показывающие последствия нежелательных действий, усиливая тем самым назидательную составляющую паремий. В тувинских паремиях многочисленны примеры синтаксического параллелизма, при котором в одной части паремии содержится эксплицитная номинация ценности и ее оценка, а в другой – присутствует параллельный, усиливающий аксиологическую семантику анималистический, природный или любой другой важный для этноса образ или символ и его оценка. Таким образом,

«в фольклорных параллелизмах реалии природной среды, народного быта и традиционной деятельности транслируют стереотипы, ценности и миропонимание народа» [1: 40].

Наряду с указанными выше типами лингвоаксиологических маркеров, имеющих семантическую связь с ценностями и оценкой, важная роль принадлежит также *фонетическим* средствам. К ним относится определенная просодическая структура паремий, их ритмическая организация, в которой наблюдаются разные виды повторов (ассонанс, аллитерации). Окончательную форму паремиям придает рифма, с помощью которой внимание акцентируется в том числе на дидактическом аспекте паремий, а именно на передаче в них ценностных ориентаций: подобные языковые средства способствуют запоминанию необходимых ценностно обоснованных сценариев поведения в различных жизненных ситуациях.

Например, во французских паремиях о труде зафиксированы следующие примеры рифмы:

fermier – fumier ‘фермер – навоз’; *laboureur – le meilleur* ‘пахарь – лучшее’; *soin – rien* ‘забота – ничто’; *pleurs – bonheur* ‘плач – счастье’; *paresse – richesse* ‘лень – богатство’; *ouvrier – payé* ‘работник – оплачиваемый’; *vin – médecin* ‘вино – врач’; *raisins – médecin* ‘виноград – врач’.

а также повтора ключевых лексем со значением ‘труд, работа, дело’ (*ouvrage ... ouvrage; labeur ... labeur*).

В русских паремиях были выявлены следующие примеры рифмопар:

труда – пруда; труда – лебеда; сошка – крошка; труды – плоды; молотом – голодом; поварне – овчарне; плужком – пирожком; (на) печи – помолчи; поспела – дело; потрудиться – уродиться; лежать – не достать; не станешь – протянешь; ретив – ленив.

В тувинском материале аналогичной тематики многочисленны случаи рифмы:

кырызын – кижиниң ‘локтевой кости – человека’; *кылыр – чиир* ‘делать – есть’; *довурактан – малгааштан – чуртталгаң* ‘из земли (грязи) – из жидкой грязи – твоя жизнь’; *өөнге – өөрүнге* ‘в юрте – у друзей’; *какпас – ораашпас* ‘не ударит – не запутает’; *кадарчыга – хаалгага* ‘пастуху – двери’; *эътке – ишке* ‘мясо – работу’; *кежээниң – чалгааның* ‘трудолюбивому – ленивому’; *бажым – суксадым* ‘моя голова – пить хочу’; *шалыпчыда – чалгаапайда* ‘у ударника – у лентяя’

и повторов:

ажыдар ... ажыдар ‘раскрывает ... раскрывает’; *шевери ... шевери* ‘мастерство ... мастерство’; *херек ... херек* ‘надо ... надо’; *чуртталгаң ... чуртталгаң* ‘твоя жизнь ... твоя жизнь’; *дескен ... дескен* ‘убежавший ... убежавший’; *дүжөр ... дүжөр* ‘упадешь ... упадешь’; *болбас ... болбас* ‘нельзя ... нельзя’; *дыынмас ... дыынмас* ‘не режет ... не одолеет’; *мурнунда ... мурнунда* ‘перед ... перед’; *кижиниң ... кижиниң* ‘человека ... человека’; *кижи ... кизи* ‘человек ... человек’; *дээр ... дээр* ‘говорит ... говорит’; *хуваарга ... хуваарга* ‘распределяют ... распределяют’; *өөнде ... өөнде* ‘в юрте ... в юрте’; *чок ... чок* ‘нет ... нет’.

Сочетаемость разных типов лингвоаксиологических маркеров во французских, русских и тувинских паремиях

Важно подчеркнуть, что выявленные нами типы лингвоаксиологических маркеров выступают в паремиях в разной сочетаемости, проявляя различную степень концентрации. Максимальная степень концентрации маркеров усиливает степень выраженности в них аксиологической семантики и экспрессивности.

В материале нашей картотеки был выявлен ряд примеров, в которых каждый элемент представляет собой тот или иной лингвоаксиоло-

гический маркер, что наблюдается, в частности, во французской паремии *Qui est loin de son écuelle est près de son dommage* 'Кто находится далеко от своей миски, близок к разорению' о важности хозяйского присмотра за своим имуществом, позволяющего сохранить его. Компонент *écuelle* 'миска' – маркер первого типа, так как представляет собой наименование посуды и имеет непосредственное отношение к ценности еды; если рассматривать ее как метафорическое обозначение еды, то можно отнести данный маркер ко второму типу. Компонент *dommage* 'разорение' может быть рассмотрен как маркер первого типа, эксплицитно обозначающий понятие, связанное с бедностью как антиценностью, и четвертого типа, так как характеризуется оценочной семантикой. Наконец, специфику аксиологической семантики создает контекстуальная оценочность маркеров четвертого типа *loin de – près de* 'далеко – близко', находящихся в отношениях контраста, усиливающего экспрессивную составляющую паремии. В результате с помощью такого сочетания передается призыв находиться поближе к еде (чтобы никто ее не присвоил), что позволит не разориться. К грамматическим маркерам в данном примере относится синтаксическая конструкция, начинающаяся на *qui* '(тот), кто', с помощью которой передается общепринятая оценка: всякий, кто что-то совершает, получает определенный результат. Данные паремии имплицитно назидательны и предупреждают о последствиях тех или иных поступков или ситуаций.

В качестве примера из картотеки русских паремий приведем единицу *Счастлив тот, кто вина не пьет*, в которой маркерами первого типа являются компоненты *счастлив* (эксплицитно обозначает ценность счастья); *вино* и *пьет* (в данном случае наименование напитка и форма глагола *пить* передают не только связь с ценностью пищи в широком смысле, но и связаны с пьянством как антиценностью). Компонент *вино* можно отнести и ко второму типу, если рассматривать его как символ злоупотребления спиртными напитками. К грамматическим маркерам относится обобщающая конструкция *тот, кто* и отрицательная форма глагола, выражающая ценность счастья через антисценарий: рекомендацию не пить вина. Экспрессивность повышается за счет фонетического средства – рифмы *тот – не пьет*.

Максимальная концентрация лингвоаксиологических маркеров выявлена также в тувинской паремии *Төрөл багы – аал чуду, төл багы – өг чуду* 'С плохой родней – аалу позор, с плохим дитем – юрте позор', где три компонента: *төрөл* 'родня', *төл* 'дитя', *өг* 'юрта' и *аал* 'аал – стойбище (3–4 юрты)', являются маркерами первого типа,

эксплицитно номинируя понятия, связанные с ценностью семьи и обширных родственных связей. Компоненты *багы* 'плохой' и *чуду* 'позорит' представляют собой внеконтекстуальные маркеры четвертого типа, экспрессивность данной паремии повышается за счет повтора данных двух единиц в пределах параллельной синтаксической конструкции (грамматический маркер). Высокая плотность маркеров свидетельствует о высокой степени значимости семьи как ценности в сознании тувинцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная нами типология паремических лингвоаксиологических маркеров и примеров их представления в материале разноструктурных языков (французском, русском и тувинском) позволяет заключить, что в контексте изучения языкового выражения ценностного аспекта семантики паремий в рамках аксиологической паремиосистемы функционирует включающая ядро и периферию совокупность лингвоаксиологических маркеров, проявляющихся на разных языковых уровнях. К ядру относятся ее значимые лексические элементы, имеющие непосредственную семантическую связь с отдельными аксиологическими доминантами, или концептосферами, номинирующими ценности, антиценности или понятия, связанные с ними напрямую или посредством метафорических образов или символов, а также этнолингвомаркеры. К периферии относятся элементы грамматического и фонетического уровней, обеспечивающие семантические аксиологические связи между ядерными звеньями системы, дополняющие и в конечном счете выстраивающие в своей совокупности аксиологическую семантику паремий.

Высокая концентрация и разнообразная сочетаемость разных видов маркеров в пределах конкретных паремий свидетельствует о высокой степени значимости определенных ценностей в языковом сознании этносов, представляющих различные типы культур, что является проявлением универсальных тенденций, которые выражаются преимущественно с помощью маркеров первого типа и некоторых маркеров второго и четвертого типов. Этноспецифическая составляющая находит отражение в основном в этнолингвомаркерах, а также в специфике метафорических образов (маркеры второго типа) и контекстуальных реализациях некоторых маркеров четвертого типа. Специфика грамматических маркеров связана со структурными особенностями языков. В качестве универсального средства создания специфической ритмической организации в трех языках выступает рифма.

Проведенное исследование можно рассматривать как перспективное в применении представленной авторской классификации и методики анализа, апробированной на материале трех язы-

ков представителей различных типов культур, на ином материале других языков в процессе выявления ценностных доминант и средств их языковой репрезентации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / Авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское кн. изд-во: Радуга Тувы, 2020. 112 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
3. Гак В. Г. Сравнительная типология русского и французского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
4. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
5. Кацюба Л. Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25 (158). С. 11–17.
6. Логинова П. Г. Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 2. С. 31–45.
7. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Очерки русинской фразеологии: Монография. М.: РУДН, 2021. 97 с.
8. Мал-маган. Тувинцы – скот – мясо: Монография / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай и др.; Под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2023. 152 с.
9. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 76 с.
10. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Ин-т современного искусства, 2019. 232 с.
11. Нелюбова Н. Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 169–177. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10922
12. Соян А. М., Ломакина О. В. Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 103–107.
13. Сувандии Н. Д. Айт «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф., посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / Отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское кн. изд-во имени В. М. Торосова, 2022. С. 169–170.
14. Conenna M., Kleiber G. De la métaphore dans les proverbes // Langue française. 2002. № 134. Nouvelles approches de la métaphore. P. 58–77.
15. Grzybek P. Semiotic and semantic aspects of the proverb // Introduction to paremiology: a comprehensive guide to proverb studies. (H. Hrisztova-Gotthardt, M. A. Varga, Eds.). Warsaw: De Gruyter Open Poland, 2015. P. 68–111.

Поступила в редакцию 20.04.2025; принята к публикации 23.05.2025

Original article

Natalia Yu. Nelyubova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6538-8267; nat.nelubova@mail.ru

TYPES OF LINGUO-AXIOLOGICAL MARKERS AND THEIR REFLECTION IN THE PAREMIOLOGICAL FUNDS OF LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

Abstract. The article offers the author's typology of linguo-axiological markers identified in the collection of paremias of the French, Russian, and Tuvan languages. The importance of the studied issue is conditioned by the need to uncover the features of the linguistic representation of axiological marking in the paremiological funds of languages

with different structures reflecting different types of cultures. Understanding these features is essential for improving translation practices and intercultural communication, as well as clarifying the terminological apparatus of axioparemiology. The aim of the article is to present a typology of paremic linguo-axiological markers and to identify universal and specific components in their functioning in languages with different structures. The primary data consists of the card index of French, Russian, and Tuvan paremias, compiled by the author through sampling from authentic paremiographic sources. To analyze the data, the study employs descriptive-analytical and comparative-contrastive methods, along with component, semiotic, and contextual analyses, supplemented by quantitative processing techniques. The set of linguo-axiological markers encompasses units across different language levels, exhibiting a core-peripheral structure. The degree of concentration and diversity of compatibility of different types of markers in paremias is an indicator of the importance of values in the linguistic consciousness of different ethnic groups. The author's methodology, tested on materials from three selected languages representing different culture types, can be applied to other linguistic material in the process of identifying value dominants and means of their linguistic representation.

Key words: linguo-axiology, paremiology, linguo-axiological marker, languages with different structures, French paremias, Russian paremias, Tuvan paremias

For citation: Nelyubova, N. Yu. Types of linguo-axiological markers and their reflection in the paremiological funds of languages with different structures. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208

REFERENCES

1. Bochina, T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022;1:37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3 (In Russ.)
2. Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., Lomakina, O. V. Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.)
3. Gak, V. G. Comparative typology of French and Russian. Moscow, 1989. 288 p. (In Russ.)
4. Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *The New Research of Tuva*. 2021;3:232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17 (In Russ.)
5. Katsiuba, L. B. Specific national and cultural models of paremiological text structure. *Bulletin of South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2009;25(158):11–17. (In Russ.)
6. Loginova, P. G. Perception of cultural concept "wine" in French evaluational world view. *Russian Journal of Linguistics*. 2016;20(2):31–45. (In Russ.)
7. Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. Essays on Rusyn phraseology: Monograph. Moscow, 2021. 97 p. (In Russ.)
8. Mal-magan. The Tuvans – livestock – meat: Monograph. (Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Eds.). Kyzyl, 2023. 152 p. (In Russ.)
9. Melchuk, I. A. Language: from meaning to text. Moscow, 2012. 76 p. (In Russ.)
10. Markelova, T. V., Petrushina, M. V. Evaluative statements in the communicative space of the Russian language. Moscow, 2019. 232 p. (In Russ.)
11. Nelyubova, N. Yu. Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(467):169–177. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10922 (In Russ.)
12. Soyan, A. M., Lomakina, O. V. The image of the yurta in Tuva paremiology: cognitive approach. *Cognitive Studies of Language*. 2024;1-2(57):103–107. (In Russ.)
13. Suvandii, N. D. "At" (horse) in proverbs and sayings of the Tuvans. *Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: Proceedings of the V International Research Conference Commemorating the 160th Anniversary of N. F. Katanov, an Outstanding Orientalist and Turkologist (Abakan, 19–20 May 2022)*. Abakan, 2022. P. 169–170. (In Russ.)
14. Conenna, M., Kleiber, G. De la métaphore dans les proverbes. *Langue française. Nouvelles approches de la métaphore*. 2002;134:58–77.
15. Grzybek, P. Semiotic and semantic aspects of the proverb. *Introduction to paremiology: a comprehensive guide to proverb studies*. (H. Hrisztova-Gotthardt, M. A. Varga, Eds.). Warsaw, 2015. P. 68–111.

Received: 20 April 2025; accepted: 23 May 2025